

Проводив молодого императора, Вэй Шаньцюэ вернулся к себе. В глубине двора мягко теплился свет — в его покоях уже зажгли лампы.

Маленький лакомка заблаговременно расставил приборы и теперь томился в ожидании, готовый в любой миг наброситься на еду — не хватало лишь знака к началу трапезы.

Когда Пэй Чанъин наконец расправился с ужином, подчистив тарелки с быстротой степного урагана, Вэй Шаньцюэ неторопливо промолвил:

— Если не случится ничего непредвиденного, Его Величество, пожалуй, призовёт тебя во дворец. Захочет, чтобы вы учились вместе.

Пэй Чанъин, который как раз усердно допивал бульон, пытаясь заполнить последние пустоты в желудке, от неожиданности поперхнулся и судорожно закашлялся.

Вэй Шаньцюэ заботливо похлопал его по спине, помогая перевести дух.

— Да с чего вдруг?! — Пэй Чанъин округлил глаза, в которых от надрывного кашля выступили слёзы, отчего его тёмные зрачки заблестели ещё ярче.

"И без того жизнь полна тягот, так за что мне ещё и эти проклятые книги?!"

— Полагаю, он считает, что муки учения помогут тебе отвлечься и позабыть о былом, — ответил Вэй Шаньцюэ.

О каком именно «былом» шла речь, обоим было прекрасно известно. Пэй Чанъин горько пожалел о том, что вообще пригласил императора в свои покои.

Он вцепился в рукав Вэй Шаньцюэ, обиженно надул губы и жалобно заканючил:

— Наставник, миленький наставник, спаси своего ученика!

Вэй Шаньцюэ промолчал. Подперев голову рукой, он лишь молча разглядывал юношу с едва заметной, загадочной улыбкой.

Пэй Чанъин решительно стиснул зубы:

— Клянусь, с этого дня я буду сам, прилежно и усердно выводить иероглифы! Честное слово! А если нарушу клятву, пусть на поле боя меня... — Договорить он не успел.

— Замолчи, — Вэй Шаньцюэ мгновенно зажал ладонью рот болтливому мальчишке. Лицо его

потемнело. — Не смей молоть глупости!

Пэй Чанъин послушно притих, лишь преданно и кротко взирал на наставника своими влажными тёмными глазами.

"Вылитый дворовый пёс", — подумал Вэй Шаньцюэ.

Он легонько шлёпнул мальчишку по макушке:

— Я знаю, что ты рвёшься в бой. Но если ты со своим почерком вздумаешь писать военные донесения, кто в них хоть слово разберёт?

Называть эти каракули письмом было бы оскорблением для каллиграфии. Рассыпь по бумаге просо — и то цыплята натопчут приличнее, чем он пишет!

— Ох, я буду стараться, правда, — Пэй Чанъин заискивающе улыбнулся. — Обязательно выправлю почерк, чтобы его хоть люди разобрать могли! Только умоляю: если Его Величество снова заведёт речь о дворцовой школе, сможешь меня как-нибудь отстоять?

— Не беспокойся, — Вэй Шаньцюэ на миг помедлил. — По правде говоря, откажи ты ему сам, император бы не разгневался.

Будь у правителя столь мелочный нрав, ему бы ни за что не удержаться на престоле.

Пэй Чанъин с облегчением выдохнул:

— Иногда мне кажется, что Его Величество — совсем ещё дитя, а порой сдаётся, будто он старше и мудрее меня в несколько раз.

Вэй Шаньцюэ лишь снисходительно усмехнулся. Ребёнок, выросший в зловещих лабиринтах императорского дворца и столь рано вознесённый на вершину власти, обречён носить в груди израненное, утомлённое не по годам сердце.

Для юного императора детская непосредственность давно стала надёжным щитом.

Пора созревания слив приносит дожди в каждый дом.

Нескончаемая изнуряющая морось поры затяжных дождей нагоняла тоску и раздражение.

На юге, в уезде Шанли, многодневные ливни обернулись настоящим бедствием: речные дамбы не выдержали напора, и хлынувшие потоки воды затопили прибрежные деревни. Лишившиеся крова крестьяне нескончаемой чередой потянулись к уездному городу в поисках спасения.

Однако уездный судья Шанли повёл себя бесчеловечно — он приказал наглухо запереть городские ворота, оставив несчастных погибать снаружи! Отчаявшиеся люди пытались карабкаться на стены, но стражники безжалостно сбрасывали их вниз, закидывая камнями.

Один из местных чиновников, не пожелавший мириться с подобным зверством, под покровом ночи отправил гонца со срочным донесением в столицу.

Весть об этом всколыхнула весь императорский двор.

Тот, кто почитает простых подданных за сорную траву под ногами, недостоин носить чиновничью шапку!

Государственный совет незамедлительно постановил отправить в пострадавший уезд помощь и примерно наказать безумствующего наместника. Однако, едва дело дошло до выбора посланника, как среди министров вспыхнули жаркие споры.

Кому доверить столь важное дело? Как убедиться, что казенное золото до последнего медного гроша дойдёт до голодающих крестьян, а виновные понесут кару без оглядки на чины и заступников?

Ситуацию усложняло то, что уездный судья Шанли в своё время сдавал экзамены вместе с любимым учеником Левого канцлера и водил с ним крепкую дружбу, а супруга опального чиновника через дальнюю родню ухитрялась числиться в протекже у Правого канцлера.

Тогда молодой император самолично разрешил спор:

— Коли так, пусть в уезд отправится сам верный советник Вэй. Ищейки Восточного цеха искусны в допросах и сыске как никто другой, лучшего кандидата нам не найти.

Вэй Шаньцзюэ вышел вперед и почтительно склонился:

— Ничтожный слуга повинуетя воле Вашего Величества.

Правого канцлера это решение вполне устроило — главное, чтобы миссия не досталась ставленнику его извечного соперника, Левого канцлера.

За долгие годы Восточный цех заслужил славу грозной и беспощадной силы, державшей в страхе всё чиновничество, однако к казенному золоту, выделенному на нужды государства, их

загребущие руки никогда не прикасались.

Правый канцлер прекрасно понимал: столь дурной славой ведомство Вэй Шаньцюэ обязано усердию сторонников вдовствующей императрицы. Впрочем, и сам канцлер питал к главе евнухов лютую ненависть, при каждом удобном случае именуя его не иначе как «коварным временщиком». И было за что: когда-то Вэй Шаньцюэ едва не лишил жизни его самого способного преемника — надежду и будущую опору всей придворной элиты.

<http://bllate.org/book/20384/2131560>